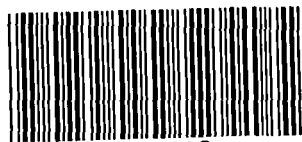

На правах рукописи

4840716

МИРИЧ Ирина Андреевна

**Политические процессы в переходных обществах:
опыт нациостроительства в Черногории**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

17 МАР 2011

Москва – 2011

Работа выполнена в секторе философии российской истории
Учреждения Российской академии наук Институт философии РАН.

Научный руководитель: Доктор политических наук
Малахов Владимир Сергеевич

Официальные оппоненты: Доктор исторических наук
Гуськова Елена Юрьевна

Кандидат политических наук
Летняков Денис Эдуардович

Ведущая организация: **Институт этнологии и антропологии РАН**

Защита состоится «29» марта 2011г. в 16.00 на заседании
диссертационного совета Д.002.015.05 при Учреждении Российской
академии наук Институт философии РАН по адресу: 119991, г. Москва,
ул. Волхонка, д. 14, стр. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИФ РАН.

Автореферат разослан «24» февраля 2011г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

к.ф.н И.И. Мюрберг

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Распад социалистического блока и рост глобализационных процессов позволили некоторым ученым, политикам и публицистам интерпретировать последующий исторический период как планетарное распространение идей либерализма и окончательной победы информационного, технотронного, постиндустриального общества. Но сверхоптимистическое предсказание, согласно которому господство национализма и национальных государств закончилось, оказалось преждевременным. Конец XX века и начало XXI демонстрируют взрыв сепаратизма и легитимирующих его националистических идей. Национализм, и этнонационализм в особенности, вновь обнаружил свой мобилизационный потенциал. Одной из ярких иллюстраций эффективности этнически мотивированного сепаратизма стали Балканы.

Выход четырех республик из состава СФРЮ стал одним из самых обсуждаемых процессов сепаратизации, зафиксированных в конце XX века. Но незавершенность этих процессов привела в XXI веке к новому витку сепаратизма в «третьей Югославии». Его результатом стал распад конфедерации Сербии и Черногории и образование нового суверенного государства – Республики Черногория.

Этот процесс и находится в фокусе настоящего исследования. Если распад «балканской империи» в 1990-е гг. и политический проект XXI в. – «Республика Косово» – получили довольно подробное освещение в отечественной и мировой политологии, то появление в 2006г. на политической карте мира черногорского государства прошло практически незаметно. Между тем этот факт нуждается в пристальном внимании политологов.

Настоящее исследование задумывалось автором, прежде всего, с целью заполнить отмеченный пробел. Однако его актуальность этим не исчерпывается. Она диктуется необходимостью осмысления процессов распада и образования государств, наблюдаемых на рубеже XX-XXI столетий, а также той роли, которую в этих процессах играют политические элиты.

Предметом исследования являются политические и идеологические процессы на территории «третьей Югославии», приведшие к распаду единой государственности Сербии и Черногории и образованию республики Черногория.

Степень разработанности проблемы

Балканский сепаратизм 90-х годов прошлого века вызвал высокий исследовательский интерес, как в отечественной, так и зарубежной литературе.

Что касается российской историографии, то она в наибольшей степени сосредоточена на проблемах распада Югославии и сепаратизме 1990-х годов¹. Так

¹ Среди исследований общепланетарного сепаратизма и самоопределения бывших республик СФРЮ см.: Лещиловская И.И., Исторические корни югославского конфликта // Вопросы истории. – М., 1994, №5 с.40-56; Волков В. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4/5; Балканы между прошлым и будущим / Под ред. А. Языковой и Б. Шмелева. М.: Апрель-85, 1995; Романенко С.А. СССР - Югославия: модель распада. Россия-Сербия: модель нового самоопределения // Знамя. 1996. № 11; На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XIX – начало XX вв. – М.: Издательство «Индики», 1997; Романенко С.А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX-XX вв. М., 2000; Романенко С.А. Десять лет распада СФРЮ // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9; Романенко С.А. Югославский Рубикон // «НЛО» 2007, №83; Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XXв, Алетей,

одной из самых полных работ по данной теме стала книга руководителя Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН – Е.Ю. Гусковой «История югославского кризиса (1990-2000)»². Однако представленный материал рассматривает в большей степени распад федерации через вооруженные столкновения на территории Словении, Хорватии и БиГ. Что же касается Черногории, то в этом исследовании автор сосредоточился на изложении скорее формальных признаков построения госструктур и на характеристике зарождающихся агентов власти, но не затрагивает проблемы националстроительства в республике. Стоит обратить внимание на статью И.И. Лещиловской «Проблемы этногенеза черногорцев и формирования черногорской нации в новейшей югославской литературе»³. Эта работа послужила отправным пунктом для данного исследования, к сожалению, она была выпущена в 1985 году и затрагивает лишь дискуссии относительно формирования нации в Черногории, развернувшиеся в 1970-80-х гг. Если исключить историко-антропологические исследования⁴, то политические процессы в современной Черногории затрагиваются в работах современных российских ученых редко. Большой интерес представляет монография Е.Ю. Бычкова⁵. Это максимально информативно полная, но неоднозначная по выводам работа, включила достаточно статистических данных, которые могут служить основой для нашего анализа. Что же касается научных изысканий молодых ученых, то в период с 1990 по 2010 годы Черногории было посвящено три кандидатских⁶, однако ни одна не защищалась по политологии и не затрагивала проблемы данной диссертации.

2002; Неизученные проблемы балканского кризиса (конец XX — начало XXI в.) // Россия и Сербия глазами историков двух стран. — СПб: Алетейя, 2010 и др.

Источкам балканского национализма и последствиям кризиса на территории бывшей социалистической Югославии посвящены также пять кандидатских: Легенькова Е.А., Югославянская идея в контексте словенской национальной политики: Словенско-хорватское сближение (60-е годы XIX в. - 1914 г.), Москва 2002; Мишина А.И., Хорватские клерикалы в процессе создания югославянского государства в начале XX в., Москва 2003; Беляков С.С., Идеология усталого движения как историческая форма хорватского этнического национализма: 1929-1945 гг., Екатеринбург 2006; Азаров В.А., Этнополитический конфликт в Хорватии: опыт его разрешения и политические уроки: 1990-1996 гг., Москва 2007; Соколова Е.Н., Эволюция политических институтов в условиях регулирования этнополитического конфликта (на примере Боснии и Герцеговины с 1995 по 2003 год), Москва 2007.

² Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000) / М. Рус. нац. фонд: Соловьев, 2001; Гуськова Е.Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии: (Хроника событий) / РАН ИНИОН. М. 1998; также см. личный сайт автора <http://guskova.ru/>

³ Лещиловская И.И. Проблемы этногенеза черногорцев и формирования черногорской нации в новейшей югославской литературе // Югославия: актуальные проблемы общественного развития. М.: ИНИОН АН СССР, 1985 – вып. 7. с. 56-78

⁴ Первое исследование истории Черногории в России принадлежало русскому путешественнику А. Попову. Его произведение «Очерк истории Черногорья» носило описательный характер. Одно из важнейших исследований в историографии принадлежит филологу, этнографу, журналисту П.А. Ровинскому, который жил и работал в Черногории в течение 30 лет (1879-1906 гг.). Труды Ровинского представляют собой настоящую энциклопедию истории, культуры, географии, этнографии и археологии Черногории и включает в себя данные, собранные автором в результате полевой работы. Среди современных авторов стоит обратить внимание на работу Аншакова Ю.П., Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.) / РАН, Институт славяноведения, М., 1998 г., а также на 2-х томный сборник документов «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов»/ под ред. Д-ра ист. Наук Р.П. Гришиной. – М.: РОССПЭН. – 2000; 2003 и т.д.

⁵ Бычков Ю.Е. Черногория: от прошлого к настоящему. Очерк истории Черногории и российско-черногорских отношений. – М.: Декоративное искусство, 2004

⁶ Джукчи Б. Особенности оффшорного центра Республики Черногория и его место в мировом оффшорном бизнесе, Москва, 2002; Шенкарева Е.О. Социокультурные факторы поддержания суверенитета (На примере истории Черногории XV-XVIII вв.), Москва, 2003; Янич С.С. Методы формирования сценариев развития сложных социально-экономических систем и их использование при выборе стратегических управленческих решений (На примере развития Сербии и Черногории), Москва, 2005.

Что касается зарубежного блока литературы, то здесь также наибольшее внимание привлёк вопрос о причинах и последствиях кризиса в СФРЮ⁷. Однако позднее предметом внимания западных исследователей все-таки стали общеполитические процессы национализма и смены идентичности. Как показал наш анализ подобной литературы, для нее, тем не менее, часто характерна идеологическая ангажированность⁸. Исключением являются работы нескольких авторов, в частности, публикации болгарской исследовательницы М.Тодоровой и британского ученого балканского происхождения Д.Джочица⁹. К сожалению, данные работы были закончены еще до отделения Черногории и поэтому они также не затрагивают интересующие нас процессы. Пожалуй, максимально подробными и объективными публикациями, вышедшими за последние годы по теме диссертации, являются работы английского политолога Ф. Бибера¹⁰, японского автора К. Кабо¹¹, а также исследование, заказанное группе молодых балканских ученых¹², Берлинским Институтом Восточноевропейских исследований (Freie Universität Berlin). Наиболее интересные моменты этих исследований использованы и проанализированы в тексте диссертации.

Наибольший интерес для данного исследования представляют публикации балканских авторов. Проблемам черногорского национализма посвящены мало известные или вообще неизвестны отечественной (а зачастую и зарубежной) науке публикации. Это, прежде всего, работы историков - С. Терзича, Ж. Никчевича, Н. Костица, М. Джурковича, Ч. Антича, Б. Йовановича и др.¹³ Пожалуй, это единственные

⁷ Следующий список не является исчерпывающим, но демонстрирует сохраняющийся интерес к распаду СФРЮ на протяжении всех последних лет: Inter-ethnic conflict and war in former Yugoslavia by Lidija Basta-Posavec, Radmila Nakarada, Slobodan Samaržić, Jovan Teokarević, Đuro Kovačević, Institute for European Studies, 1992; Ramet S.P. Nationalism and Federalism in Yugoslavia 1962-1991. Second edition. Bloomington and Indianapolis, 1992; Evropa i raspad Jugoslavije / Priredila Radmila Nakarada, Beograd: Institut za evropske studije, 1995; The Yugoslav War, Europe and the Balkans: How to achieve security? / Ed. by Stefano Bianchini and Paul Shop. Ravenna, 1995; Gard P. Život i smrt Jugoslavije / Prevod sa francuskog. Zagreb, 1996; Glenny M. The Fall of Yugoslavia. The Third Balkan War. Third edition. London: Penguin Books, 1996; Burn this house: the making and unmaking of Yugoslavia by Jasminka Udovički, James Ridgeway, Duke University Press, 2000; Nationalism and territory: constructing group identity in Southeastern Europe by George W. White, Rowman & Littlefield, 2000; The Fluid Borders of Europe by Mark Pittaway, Open University Worldwide Ltd, 2003; Nationalisms Today (Nationalisms Across the Globe) by Kamusella T./Jaskulowski K. (eds) (2009) и т.д.

⁸ Albanian Identities: Myth and History by Stephanie Schwandner-Sievers and Bernd J. Fischer (2002); Yugoslavia and its Historians: Understanding the Balkan Wars of the 1990s by Norman M. Naimark and Holly Case (2003); Mapping Macedonia: Idea and Identity by P. H. Liotta (2004); Developing Cultural Identity in the Balkans (Multiple Europes) by Detrez Raymond/Pieter (2005); When Ethnicity Did Not Matter in the Balkans: A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods by John V. A. Fine (2006); Europe and the Historical Legacies in the Balkans (Multiple Europes) by Detrez R./Segaert B. (eds.) (2008); The Balkans Beyond Nationalism and Identity: International Relations and Ideology by Pavlos Hatzopoulos (2008); Denic B. Etnički nacionalizam. Tragica smrt Jugoslavije. Beograd: B92, 1996; Čičak-Chand Ružica, Etničnost, nacija, identitet : Hrvatska i Evropa, Institut za migracije i narodnosti (Zagreb), 1998 и т.д.

⁹ Imagining the Balkans by Todorova Maria, (1997); Balkan Identities: Nation and Memory by Todorova Maria (2004); Yugoslavism: Histories of a Failed Idea (1918-1992) / Ed. Dejan Djokić. Hurst & Company, London., 2003.

¹⁰ В частности Bieber Florian, Institutionalizing Ethnicity in the Western Balkans Managing Change in Deeply Divided Societies // ECMI Working Paper №19 February 2004; Bieber Florian, Montenegro in Transition: Problems of Identity and Statehood, - Nomos, 2003; Bieber Florian, The Instrumentalization of Minorities in the Montenegrin Dispute over Independence // ECMI Working Paper №8 March 2002

¹¹ Keiichi Kubo, Democratization of Former Yugoslavia and Nation Building including Kosovo // Paper presented at the International Studies Association 50th Annual Convention, New York, 15-18 February, 2009

¹² К сожалению, исследование носит в большей степени антропологический характер, что, тем не менее, не уменьшает его значимости, т.к. дает интересную и актуальную информацию для дальнейших размышлений и анализа. Izazovi savremenog crnogorskog identiteta: Antropološko istraživanje transformacije identitetske formule Crnogoraca u periodu nakon Drugog svetskog rata / Zbornik radova, Urednik Dr Saša Nedeljković, Baštinik, Kruševac. – 2009

¹³ Славенко Терзић, Идеолошки корени црногорске нације и црногорског сепаратизма [текст] в открытом доступе на сайте <http://www.njegos.org/>; Славенко Терзић, Изневјерени идентитет. Прилог разумевању идеолошких корена црногорског национализма // Летопис Матице Српске, март 2006; Коста Николић, Прошлост историји. Полемике у југословенској историографији 1961-1991 (Главни токови) / ИСИ, Београд,

авторы, которые вопросы нациообразования в Черногории рассматривают с позиции науки, а не с точки зрения популистски-националистической идеологии. Связь между процессами государственного образования и нации-строительства в данном регионе детально проанализированы и в работах политологов - С. Дармановича, М. Кнежевича, В. Гоати, С. Самарджича и др.¹⁴. К сожалению, некоторые из упомянутых авторов (в частности, М. Кнежевич) грешат ретроспективным выстраиванием логики политических процессов, хотя хорошая фактологическая основа несколько компенсирует этот недостаток. Доказательства невозможности вычленения особого «черногорского» языка из сербского аргументировано представлены в работах Др.Чупича, С. Танасича, Й. Стоянович и других лингвистов. Кроме того, в диссертации использовались материалы специальных заседаний, конференции, а также монографии¹⁵ Института истории Сербской академии наук, Института современной истории (Белград), Института балканистики (Белград), факультета политологии Белградского университета.

Отдельное внимание в диссертации уделено работам современных черногорских авторов. К сожалению, исследования по вопросам национального самоопределения, выходявшие в Черногории, начиная с 1990-х годов, носят явно конъюнктурный характер. Научный интерес представляют брошюры Йована Р. Бойовича (Јован Р. Бојовић) «Сербский народ в югославянской федерации 1945-1991гг.» (Подгорица, 1993) и Будимира Алексича (Будимир Алексић) «Красная Черногория: об уничтожении и хорватизации Черногории в прошлом и настоящем» (Никшич, 2002). Однако популярностью и спросом в Черногории всё чаще пользуются «придворные» авторы: Живко Андрияшевич, Шербо-Шеки Растодер¹⁶, а также работы других сотрудников Черногорской и Дуклянской академии наук.

Итак, как показал анализ, проблема современного нациостроительства в Черногории еще не получила должного освещения. Именно поэтому автор решил проанализировать современные механизмы и инструменты процесса конструирования «черногорской нации», послужившей основой для сепарации Черногории в 2006 году.

Цели и задачи диссертационного исследования

Цель настоящей работы – проанализировать механизмы и движущие силы процесса появления на Балканах новой политической единицы и технологий нациостроительства, сопровождавшие этот процесс.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

2003; Darmanović Srđan, Crnogorski postkommunistički režim // Monitor, March 6, 1998; Jovanović Batrić, Rasrbljivanje Crnogoraca: od Stalina i Tita do "Dukljana": Duhovni genocid. / Vijeće narodnih skupština Crne Gore, Podgorica, 2005 и т.д.

¹⁴ Самарић С. Принудна заједница и демократија. / Београд, 1994; Гоати В. Стабилизација демократије или повратак монизму. / Подгорица, 1996.; Goati V. Paritije Srbije i Crne Gore u politickim borbama 1990-2000 / Bar: CONTECO, 2000; Knežević Miloš, Izneverena Država. Srbija i Crna Gora u vremenu razlaza / Beograd, 2007.

¹⁵ Тема националног определения черногорцев в XVIIIв. затронута в работе Станојевић Глигор, „Владика Василије Петровић и његово доба“, Београд, 1979. Представљају интерес труды: Ражнатовић Новак, „Тенденциозно манипулисање изворима“ // Пракса, бр.4, Титоград, 1981; Ракочевић Новица, „Црна Гора и Аустроугарска 1903-1914“, Титоград, 1983; Пајовић Радоје, „Контрареволуција у Црној Гори – четнички и федералистички покрет 1941-1945“, Цетиње; Ђурђев Бранислав, „О постанку црногорског народа“ // Пракса, бр.4, Титоград, 1981; Лакић Зоран, „Народна власт у Црној Гори 1941-1945 године“, Београд, 1981. Такође широко известны работы Батрича Јовановича и Милисав Гломазича, демонстрирующие национальное самоопределение черногорцев от средних веков до второй половины XX века: Јовановић Батрић, „Црногорци о себи“, Београд, 1986; Гломазин Милисав, „Етничко и национално биће Црногорца“, Београд, 1988 и т.д.

¹⁶ Растодер Шербо, Животна питања Црне Горе, Бор, 1995; Растодер Шербо, Политичке борбе у Црној Гори 1918-1929, Београд, 1996. Наиболее широко известен по работе, объединившей документы начала XX века „Скривена страна историе – Црногорска буна и одметнички покрет 1918-1929“ в 4-х томах, а также по последней работе написанной совместно с Живко М. Андријашевић, “Историја Црне Горе: од најстаријих времена до 2003“, Podgorica : Centar za iseljenike, 2006.

- проследить эволюцию формирования черногорской политической элиты как особого политического актора;
- проанализировать процесс конструирования «черногорской нации», реализуемый группами элит после распада СФРЮ;
- выяснить степень воздействия новых идеологических установок, продуцируемых элитами, на черногорское общество;
- исследовать особенности взаимодействия элиты и общества в условиях возрастающего конфликта идентичности.

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования

Автор пришел к выводу, что наиболее продуктивным подходом для реализации поставленной цели, является методология социального конструктивизма. Последняя представляется нам сбалансированной позицией, позволяющей избежать крайностей как «примордиализма», так и «инструментализма». Среди разработчиков методологии социального конструктивизма – П.Бергер, Т.Лукман, П.Бурдьё, Б.Андерсон, Р.Брубейкер, Ф.Барт¹⁷. В российском обществоведении эта методология используется такими авторами как В.А. Тишков, В.С. Малахов, С.В. Соколовский, А.И. Миллер, Т.Л. Поляников, Т.Ю.Сидорина, М. Ноженко и др.¹⁸.

Особенность социального конструктивизма заключается в том, что общественно-исторические явления трактуются как продукт человеческих действий (в этом его отличие от парадигмы примордиализма), но при этом не как продукт чьей-то конкретной воли (в этом отличие социального конструктивизма от инструментализма). Другая его особенность заключается в тезисе о неотделимости социальной реальности от ее понятийных определений, т.е. от категорий, используемых агентами социальных действий. «Конструктивизм понимает общественные явления не как данности, а как продукты человеческой практики. В этом (и только в этом) смысле они суть социальные

¹⁷ Метод восходит к традиции социального конструктивизма, которая была заложена еще в конце 1960-х годов П. Бергером и Т. Лукманом «Социальное конструирование реальности», М., 1995, а продолжена в последующие десятилетия целой плеядой обществоведов, самый знаменитый из которых, пожалуй, П. Бурдьё «Социология политики», М., 1993. В национализмоведении конструктивизм утвердился благодаря работе Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. – London: 1983. Среди других современных теоретиков стоит обратить внимание на работы: Хобсбаум Э., Рэйнджер Т., Изобретение традиции, 1983; Хобсбаум Э., Нации и национализм после 1780г., СПб., 1998, Brubaker R. *Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: сб.статей / под ред. Ф. Барта. – М., Новое издательство, 2006; а также на работы Х.Бахба и его коллег по «постколониальным исследованиям».

¹⁸ Тишков В.А. Национальность и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы международной конференции 1993г. М.: Наука, 1994.; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997; Тишков В.А. Забыть о нации // Вопросы философии. 1998, Тишков В.А. О нации и национализме. // Этнос и политика. – М. 2000; № 9; Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под. Ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002; Малахов В.С. Новое в междисциплинарных исследованиях ("Историко-ситуативный" метод в работах В. Тишкова). // Общественные науки и современность, 2002, №5; Малахов В.С. Скрытое обаяние расизма. – М.:2001; Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом Университет, 2005; Малахов В.С. Национальные государства перед лицом культурного плюрализма // Логос 2(53) 2006, С. 84-93; Миллер А.И. Национализм как теоретическая проблема.// ПОЛИС, 1995, № 12; Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997, Т. 2, № 4; Соколовский С. Парадигмы этнологического сознания // Этнографическое обозрение, 1994, № 2. С. 3-17; Т.Л. Поляников, Национализм: теории и политическая история. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. (в соавторстве с Сидориной Т.Ю.); Т.Л. Поляников, Национализм в (пост)современном мире // Политика. Осень 2006. №3 (42); М. Ноженко, Национальные государства в Европе. – Норма, 2007.

конструкты. Если некто утверждает, что нация – социальный (социально-исторический) конструкт, это не значит, что нация есть результат чьих-то манипуляций»¹⁹.

Что касается понимания такой категории, как «идентичность», сторонники социального конструктивизма подчеркивают важность различения между идентичностью как категорией практики и идентичностью как категорией анализа²⁰. Социальный конструктивизм отвергает идею эссенциализма о том, что идентичность, как индивидуальная, так и коллективная, дается нам «естественным образом», существуя в той или иной форме «изначально». То, к каким традициям апеллируют сегодняшние поколения, определяется политическим выбором. Именно поэтому на передний план выходит процесс «производства истории».

Также в исследовании использовались методы инвент- и дискурс-анализа.

Научная новизна диссертационного исследования в том, что в нем проанализированы механизмы и инструменты процесса конструирования нации в «третьей Югославии». Примененный в работе социально-конструктивистский метод дает возможность реконструировать социально-политический и социально-культурный контекст черногорского сепаратизма. В исследовании оценивается «действенность» различных дискурсивных стратегий, реализуемых в Черногории. Кроме того, диссертант восполняет пробел в балканистике посредством введения в научный оборот целого ряда источников, неизвестных как отечественной, так и зарубежной историографии.

Основные положения, выносимые на защиту

- Черногорский случай нациостроительства подтверждает теоретическое предположение, согласно которому образование новых наций-государств есть результат политического конструирования, успех которого зависит от политических обстоятельств.
- «Черногорская нация» - это политический концепт, привнесенный извне за которым сегодня стоит небольшая по численности группа лиц - политическая и интеллектуальная элита Черногории, манипулирующая общественным мнением посредством фальсификации/симуляции истории.
- В отличие от стран западного мира, где активизация локальной идентичности (и, в частности, апелляция к этничности), происходит в контексте противодействия вестернизации, в Черногории эти процессы, напротив, связаны со стремлением к «европеизации».
- Внедрение новых идеологических установок привело к «коллизии идентификации» и расколу общества в Черногории. Вмешательство третьей стороны – этнических меньшинств и внешней диаспоры, лишь усугубляет раскол между двумя основными группами черногорских граждан с сербской и черногорской самоидентификацией.
- Современная черногорская элита не только не заинтересована в «сглаживании» конфликта, но и способствует его еще большему разжиганию. Граждане с сербской идентификацией, отказавшиеся принять «правила игры», исключены из общественно-политической жизни страны, обречены стать маргинальной группой, «этническим паритетом».

Научно-практическая значимость диссертационного исследования

Положения, выдвинутые и доказываемые в работе, вносят вклад в понимание многогранности современных процессов конструирования наций, а также предоставляет

¹⁹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом Университет, 2005. С.103

²⁰ Подробнее см.: Brubaker R., Beyond Identity / R. Brubaker, F. Cooper //Theory and Society. – 2000. Vol.29, #1

иллюстративный материал для осмысления современных процессов «демократической трансформации».

Положения и выводы работы могут быть использованы в деятельности российских государственных структур, принимающих участие в разработке и проведении внешней политики на балканском направлении. Результаты исследования могут быть полезны и в работе ведомств, связанных с решением вопросов внутренней национальной политики. Знание о механизмах анализируемых в диссертации процессов (нациостроительства и национальной идентификации) позволяет придать внутривнутриполитическому курсу государства необходимую устойчивость в стратегическом плане и гибкость в решении тактических задач.

Материалы, собранные и обобщенные в исследовании, могут быть использованы при разработке методических пособий и спецкурсов по теории международных отношений, проблемам национализма и сепаратизма, процессам государственного и национального строительства, а также по политической истории Балкан. Работа может также представить интерес для специалистов в этих областях и дипломатов.

Апробация материалов диссертационного исследования

Работа прошла апробацию в Институте балканистики Сербской академии наук и искусств (Белград, Сербия, 2010г.) Автор выступила с основными положениями исследования на семинаре «Стратегии Италии на Балкану током XIX и XX века» («Стратегия Италии на Балканах на рубеже XIX и XX вв.», организованной Институтот балканистики САНИ 3-4 декабря 2010г.). В апреле 2010 автор выступила с докладом «Процессы нациообразования на Балканах» на конференции научного сектора студсовета Государственного Академического Университета Гуманитарных Наук. В октябре 2009 состоялось выступление автора с докладом «Особенности нацио-строительства в современной Черногории» на семинаре дискуссионного клуба ИФ РАН. Также основные положения и выводы работы были изложены в публикациях российских печатных изданий, в том числе рекомендованных ВАК.

Диссертация прошла обсуждение в секторе истории российской философии Института Философии РАН и была рекомендована к защите.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа состоит из введения, трех глав (в девяти параграфах), заключения, списка использованных источников, а также приложений.

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, анализируется степень разработанности проблемы, определяются предмет, цели и задачи работы. Автор описывает теоретико-методологические основы своего исследования, его научную новизну, а также формулирует положения, выносимые на защиту, и обосновывает научно-практическую значимость диссертации.

Первая глава **«Политические процессы в современной Черногории»** раскрывает специфику современных политических процессов в Черногории. Для начала автор предлагает разобраться в генезисе и эволюции современных черногорских политических сил, которые разрабатывают критерии «черногорскости» и выдают «лицензии» на соответствие им. В результате анализа формирования современной политической элиты Черногории, автор пришел к выводу, что современные черногорские нациостроители являются выходцами из коммунистической номенклатуры. Именно поэтому отсчет

исследования ведется с момента развала СФРЮ и формирования «посткоммунистической» черногорской элиты.

В первом параграфе главы анализируются период с 1989 года, т.е. с «антибюрократической революции», инициированной С.Милошевичем, и до 1997 года. Именно тогда в черногорском правительстве было сформировано ядро лидеров, которые (как показало время) были все-таки нацелены на коренное преобразование системы и предусматривали назначение на руководящие должности таких руководителей, которые в ближайшее время не только одобрили бы, но и способствовали бы введению многопартийной системы. На волне общественно-политического хаоса на политическую сцену Черногории впервые выходят столь значимые для современной черногорской истории фигуры, как будущий президент и будущий премьер-министр Черногории – Момир Булатович и Мило Джуканович.

Период с 1989 по 1997 гг характеризуется превращением сторонников коммунистического проекта (или т.н. реального социализма) в сторонников национальной, великосербской риторики, сохраняющих курс на поддержание общества закрытого типа. На это указывает и авторитарное давление Демократической партии Социалистов Черногории (ДПСЧ), включая всех ее руководителей, действовавших согласно олигархическому принципу. Автор приходит к выводу, что в Черногории был установлен режим, где одна сторона управляла фактически монополистическим способом, а в случае необходимости применяла авторитарные методы, но в пределах границ легализованной многопартийной системы при наличии оппозиции, стараясь сохранить демократический аспект, который был лишь фасадом, но не сущностью системы. Еще одним важным моментом этого периода стало то, что в Черногории (в отличие от Сербии²¹) албанское и мусульманское элиты предпочли принять участие в черногорских государственных как на национальном, так и муниципальном уровнях. В 1990 году черногорские нацменьшинства впервые заявили о себе как о самостоятельной политической единице.

Первое «прощупывание» ситуации относительно возможности сепаратизации Черногории было осуществлено на мартовском референдуме 1992 года. Однако тогда большинство черногорских граждан (95%) выступило за сохранение союза. Так оппозиционные Белграду черногорские политические силы убедились в невозможности отделения Черногории от Сербии на данном этапе. В целом же можно сказать, что доминирование Милошевича над Черногорией, которое сегодня рисуется исключительно в черных тонах, достигалось исключительно за счет лояльности самой черногорской элиты. Именно поэтому современные черногорские «демократы» считают, что первый период черногорской демократизации начался с краха элиты старой партии и закончился не победой реформистов, а формированием популистского правительства. Именно поэтому они отсчитывают подлинное начало политических преобразований в Черногории не с 1989г., а с 1997 года, когда к власти пришли оппозиционеры.

Во втором параграфе первой главы анализируется конфликт внутри ведущей черногорской партии (ДПСЧ) 1997 года, который сыграл решающее значение в современной истории Черногории. Для этого был проанализирован расклад сил, как на черногорской политической сцене, так и внутри ДПСЧ. Так автор приходит к выводу, что еще до раскола 1997 года самая крупная черногорская партия – Демократическая партия социалистов Черногории – представляла собой сложную систему переплетающихся групповых и личных интересов, гетерогенных политических потоков, весьма часто выступавших друг против друга. Именно поэтому рано или поздно, но конфликт был неизбежен. Ключевой фигурой в этом процессе стал М.Джуканович, который,

²¹ В Сербии Милошевич привел команду, выступавшую против этнических меньшинств, что повлекло за собой выход из состава федеральной элиты представители меньшинств, которые предпочли создать параллельно существующие структуры в Косово, в Черногории этого не произошло.

воспользовавшись ситуацией, приходит в 1997 году к власти и открывает, по его словам, перед страной новую страницу «подлинных демократических преобразований».

Этот раскол стал поворотной вехой в современной истории Черногории. Это был раскол внутри правящей элиты, в результате которого реформистская группа одержала верх. Но, несмотря на то, что «отщепенцы» победили, их положение было шатко. Для удержания власти Джукановичу требовалась дополнительная поддержка. Первоначально он нашел ее среди других оппозиционных (а на самом деле сепаратистских и антисербских) партий. Этот союз позволил Джукановичу выиграть парламентские и президентские выборы. Интересен и тот факт, что исход президентской гонки определили черногорские албанцы и мусульмане. Они поддержали Джукановича не только потому что он выступал против Сербии и за прозападную политику, но он предложил включить представителей нацменьшинств в ряды парламентариев и кабинет правительства с формулировкой «об улучшении межэтнических отношений между христианскими гражданами Черногории и черногорскими боснийцами, албанцами и мусульманами». Мы же можем заключить, что именно тогда, на президентских выборах 1997 года установилась довольно прочная связь между обновленной правящей элитой Черногории и группами нацменьшинств, которые, как мы покажем далее, еще не раз окажут поддержку новому режиму и тем самым сыграют решающую роль в определении дальнейшего политического курса страны.

Так, конфликт конца 90-х гг. стал отправной точкой в поляризации современного черногорского общества и постепенно количественно увеличивал сторонников черногорской независимости среди населения. В середине 90-х годов движение Джукановича, несмотря даже на некоторые серьезные политические победы, было все-таки ограниченным, но внутренняя общественная динамика, направленная индпендистами/сепаратистами в нужное русло, способствовала стимуляции для все большей и большей сепаратизации, которая достигла своего апогея в начале XXI века.

В третьем параграфе первой главы анализируется начало реализации новой, радикальной политики индпендистов. Они сделали ставку на решение социально-экономических проблем через решение «национального вопроса». Постепенно стремление к политическому суверенитету подкрепляется новой установкой – созданием этно-нации. На передний план выходят дебаты о национальной идентичности черногорцев, а все предвыборный программы строятся вокруг темы о предпочитаемом виде государства, в котором граждане Черногории хотели бы жить.

Подводя же итоги периода 1997-2000 можно констатировать, что парламентские и президентские выборы 1997 года стали лишь отправной точкой в новом, решающем (как покажет время) процессе общественно-политической трансформации, где ключевая роль, безусловно, принадлежала Мило Джукановичу, который способствовал упреждающей метаморфозе политической элиты, легализации на политической сцене страны новой силы – нацменьшинств, которые как маятник стали определять ход игры, а также поддержал реализацию проекта по смене идентификации черногорского общества. Этот вид националистического движения черногорские власти назвали «пост-сербским черногорством».

Вторая глава «Источники современного черногорского национализма/сепаратизма» состоит из двух параграфов и анализирует теоретическую базу современных индпендистов, которая строится на теоретических установках черногорских национальных движений начала XX века.

Первый параграф второй главы повествует о типологизация черногорских национальных движений с момента их зарождения в 1918 году (после объединения Королевства Черногория с Сербией) и до Второй мировой войны. Автор показывает, что создание единого южнославянского государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев, а позже Югославии. Изначально южнославянские «племена» обратились друг к другу и оперлись на помощь Белграда, т.к. им требовались союзники в противостоянии

Вене и Будапешту. Но разобщенность их планов оказалась легкой добычей для крупных мировых игроков, имеющих свои интересы в регионе. Так «проводниками» планов западных игроков стали словенская и хорватская политические и интеллектуальные элиты, которые изнутри разлагающе действовали на общеславянский интегрализм и сыграли одну из ведущих ролей в развитии и поддержании националистических сепаратизмов в остальных республиках Югославии. Именно поэтому автор исследования считает, что сепаратизм таких черногорских групп, как «тальянаши» (пронтальянский сепаратизм), монтегристи (более мягкая форма пронтальянского сепаратизма), хорваатофилы, дукляне и т.д. на самом деле, являются следствием религиозно-итальянского и имперско-австрийского влияния в регионе.

Так основными проводниками подобных идей стали Иво Пилар (1874-1933) и его ученик Савич Маркович Штедимлия (1906-1971). Они первыми стали распространять идеи: 1) об исконной духовной связи черногорцев с Римско-католическим миром. Отрицая при этом связь черногорской православной церкви с сербской и призывая к отделению хорватской и черногорской православных церквей от сербской; 2) о геноцидной роли Св. Савы (первый сербский архиепископ) при распространении православия в Черногории; 3) настаивал, что на Балканах нет более близких народов, чем хорваты, черногорцы и албанцы, и что этим народам необходимо объединиться с целью противостояния сербам.

Идеи хорватского происхождения черногорского народа активизировались в конце XX века и легко прослеживаются в наши дни в период обострения борьбы некоторых черногорских группировок за суверенизацию страны. Манипуляции, осуществляемые из Загреба (не без помощи Римско-католической церкви), способствуют разжиганию сербско-черногорских разногласий.

Второй параграф этой главы посвящен анализу коммунистического этапа в обосновании и политизации идеи «черногорскости». Неизвестно какой бы план (итальянско-религиозный, имперско-австрийский или коммунистический) сработал бы быстрее, если бы не начало Второй мировой войны. Открытое проявление первых двух стратегий показало невозможность их осуществления в конкретных исторических условиях.

Что касается коммунистической партии, то накануне войны она также пропагандировала важность «национального вопроса». Так еще на III и IV Конгрессах КПЮ (1926, 1928 гг.) в задачи партии ставилось расширение своего влияния в Черногори за счет признания самостоятельности черногорской нации. Не последнюю роль здесь сыграла фигура – И.Сталина, который считал, что строительство социализма не может быть успешным лишь в рамках СССР в условиях капиталистического окружения. Для осуществления «мировой социалистической революции» было необходимо создать достаточно надежную площадку, а для чего требовалось ослабить капиталистический мир. Но угрозой составляла «белая эмиграция» и ее оплот во главе с Врангелем в Сербии.

Сталин разработал план по тотальной изоляции и ослаблению сербского народа. Сталин считал, что «угнетенные» народы Югославии – хорваты, словенцы, мусульмане, албанцы, а также другие меньшинства – потенциальные союзники СССР, т.н. «резерв будущей социалистической революции». Поэтому СССР должен способствовать выделению в Югославии несербских народов и поддержать их стремление к созданию самостоятельных «рабоче-крестьянских республик», которые бы совместно с Сербией, Болгарией, Грецией и Албанией составили «Федерацию рабоче-крестьянских республик Балкан». Черногория, как «сербская Спарта», должна была стать первым шагом на пути ослабления Сербии.

Но с началом ВМВ в отличие от других идейных течений коммунисты Югославии решили отойти от своих прежних постулатов с целью наднационального объединения всех балканских народов в борьбе с захватчиками. Еще в декабре 1942 года Тито выпустил статью «Национальный вопрос в свете народно-освободительной борьбы», которая на время заморозила проблематику черногорского национального

самоопределения. Была выбрана стратегия на мобилизацию общеполитических усилий. Так в 1944 году в Колашине во время III заседания Черногорской антифашистской скупщины народного освобождения неоднократно подчеркивалась мысль о единстве и братстве черногорцев и сербов.

Ситуация переменилась буквально сразу после окончания Второй мировой. Уже 1 мая 1945 года в газете «Борьба» вышла первая статья под названием «О черногорском национальном вопросе» за подписью довольно высокого и хорошо известного всем партийного функционера - Милована Джиласа (считается «отцом черногорской нации»). Так начался коммунистический проект по формированию и выделению черногорской нации. Цель работ Джиласа заключалась в довольно осторожном проведении максимально размытых границ между «черногорскостью» и «сербскостью», которые за время второй мировой войны слились в единое целое даже в сознании самых праведных партизан-коммунистов. Джилас утверждал, что в политическом смысле черногорцы, конечно, могут претендовать на самостоятельность, но в этническом смысле – они оставались сербами (одной из подгрупп). Это компромиссное решение, принятое партией, оставляло простор для маневров. Позже «джиласовщина» стала основой для революционного, экстремального конструктивизма черногорской нации. История стала оружием в руках сторонников подобных мер.

Следующим после Джиласа «ударом» по черногорской идентичности стал выход в 1948 году книги директора Института истории НР Черногория Ягоша Йовановича под названием «Создание черногорского государства и развитие черногорской национальности». Так в Черногории было положено начало «научного» переписывания учебников по истории и создания многотомных энциклопедий с новым видением истории черногорского народа, на которых выросло не одно поколение. На этой волне выходит и книга еще одного «апологета черногорской нации» Савы Брковича. Именно в его книгах использовалась вся сила «исторических мифов» о черногорской нации и народе, который таким образом влетался в героический эпос общей европейской культуры.

Апофеозом теоретической разработки черногорской нации стала книга Шпиро Кулишича «Об этногенезе Черногорцев» (1980г.). Этот автор решил вывести самостоятельные истоки черногорской нации из древних этнических корней. Кулишич делает резкое и голословное заявление: черногорцы и сербы два совершенно разных этноса (!), а свое происхождение черногорцы ведут непосредственно от дукиан - досербского населения Балкан. Слабость академической этнологии позволила Кулишичу сделать смелые заявления, которые редко подтверждались фактическими научными данными. Так появилась концепция черногорского этногенеза. Несмотря на многочисленные опровержения тезисов Кулишича со стороны академического сообщества, главная цель была достигнута – (псевдо-) научное обоснование самостоятельности черногорской нации было закончено.

В 1970-е годы в Черногории создаются культурные, научные институты, а также черногорские сети СМИ, в частности вводится национальное радио и телевидение, которые открыли новые возможности подделывания репрезентации нации. Теперь у черногорской национальной элиты появились технологии транслирования новых стереотипов о черногорской специфичности, главный из которых заключался в том, что черногорцы отныне должны были восприниматься исключительно как выходцы из эпического царства. А для научного обоснования этой идеи в Черногории была немедленно создана система собственного образования.

В эти же годы в Черногории начинаются процессы принижения «сербскости» (или всего что с этим связано). Пожалуй, самым болезненным событием при крушении прежних символов стало разрушение капеллы Петра II Петровича-Негоша на горе Ловчен. Этот митрополит (владыка) был олицетворением единства Черногории и Сербии. На его поэме «Горский Венец», воспевающей гордый дух черногорцев в борьбе с турецкими захватчиками за сохранение сербскости, выросли многие поколения черногорцев.

Распад Югославии был предreshен, принятой в 1974 году Конституцией, которая закрепила приоритет республиканских решений по отношению к федеральным. Это положило начало превращению республик в замкнутые государственные образования. Сильнейшая экономическая регионализация страны привела к жесткому сепаратизму национальных элит, вырвавшегося наружу в конце 80-х гг.

Третья глава «**Легитимизация “черногорской демократии” и проблемы новой идентификации черногорского общества**» посвящена анализу современных процессов по этнизации черногорского общества с целью легитимизации власти черногорских индпендистов, закрепившихся у власти с 1997 года. Несмотря на постоянное использование термина «черногорская нация», ее содержание все еще оставалось размытым и не могло стать эффективным инструментом в руках сепаратистов. Именно поэтому с 1990 года идет активная работа по заполнению этой пустоты политически ангажированными «экспертами». В помощь «научному сообществу» специально созданы следующие институты и организации: Матица Черногории, черногорский ПЕН центр, черногорский Хельсинский комитет, независимое собрание писателей РЧ, а также такие ежегодные мероприятия, как Цетиньское биенале, летние городские фестивали и т.п. И все это работает на одну цель – поиск основ для легитимизации власти нового высшего эшелона власти.

В первом параграфе третьей главы анализируется начальный период процесса суверенизации Черногории. Накануне референдума отношение в обществе к этому вопросу не было однозначным. Приводимая в диссертации статистика различных организаций, показывает, что данные относительно отделения порой колебались в пределах решающих 15%. Именно за эти проценты боролись черногорские индпендисты накануне референдума-2006. Исход предугадать было невозможно.

Именно тогда очевидным становится необходимость внедрения идеи о самостоятельности черногорцев, их «инаковости», что подразумевает принципиальное отличие от всех остальных сербов на Балканах. Ставка была сделана на праевропейское происхождение черногорцев. Результатом внедрения идей дуклянского (т.е. праевропейского) или средиземноморского происхождения черногорцев стало то, что значительная часть населения в период с 2000 по 2006 год была однозначно переориентирована на сотрудничество с Западом, на западные социокультурные ценности.

Так впервые в 2000 году были зафиксированы две новые категории национальности: черногорец-серб и серб-черногорец. Эта двойственная национальная самоидентификация оказалась свойственной для 26-ти % опрошенных граждан Черногории. К сожалению в Черногории нет официальных исследований общественных предпочтений согласно этническому определению граждан. Так нам не удалось найти ни одного исследования политических предпочтений черногорских нацменьшинств. А тем временем именно они составили основную платформу проиндпендистского блока в Черногории, в то время как сербы ориентировались на интегралистский блок, а черногорцы равномерно разделились между ними.

Однако недозавершенность этих процессов в 2006 году, рост внутреннего противостояния в обществе не могли гарантировать победы индпендистов на референдуме (при сохранении условий его проведения, оговоренных в законе). Решение должно было быть принятым в случае обязательной 50-ти % явки избирателей и согласно абсолютной мажоритарной избирательной системе (т.е. 50% плюс один голос). Выход из ситуации нашли в Евросоюзе, где предложили следующую формулу: независимость Черногории будет признана в том случае, если за это проголосуют 55% от числа участвующих в референдуме.

Несмотря на протесты оппозиции, референдум все-таки состоялся 21 мая 2006 года. Согласно данным черногорских статистических агентств явка превысила 86%. Референдум был признан официально состоявшимся. Согласно результатам за

независимость Черногории проголосовали 55,4% избирателей, против - высказались около 44% участвующих. Власть индependистов была легализована, и Джуканович, как премьер-министр, тут же заявил о своем намерении добиться подписания с ЕС договора о стабильности и ассоциированном членстве, которое, по его словам, было не возможно до сих пор из-за Сербии, которая тормозила развитие Черногории. Не пришлось Черногории долго ожидать и принятия в члены ООН. А о том, что сербские черногорцы (в отличие от черногорцев, проживающих в Хорватии и даже в Австралии), которые могли иначе решить исход дела, так и не были допущены к голосованию, мировое сообщество постаралось не заметить и обойти молчанием. Итогом этого стало полное игнорирование в Черногории интересов сербских черногорцев и маргинализация черногорских сербов. А тем временем в Сербии проживает 263.000 граждан Черногории, из них только 69.049 считают себя этническими черногорцами (перепись 2002г.), а в Черногории зафиксировано 198.414 сербов.

Второй параграф третьей главы посвящен процессам развертывания этнонационализма в Черногории после 2006 года. Проведение референдума стало отсчетом новой жизни для «черногорской нации». Именно тогда началось то, что черногорские индependисты назвали активной фазой «переходного» периода.

Несмотря на очевидные неудачи попыток преобразований, предпринятых в период конфедерации с Сербией, сегодня серьезных системных преобразований в Черногории сегодня также не наблюдается. Ставка делается на смену национальной идентификации общества. Формирование «черногорской нации» стало для новой черногорской элиты своеобразным средством выхода из экономического кризиса, которое открыло бы к тому же окно в Европу. Политическая и интеллектуальная элиты сегодняшней Черногории вырабатывают политические шаблоны, с помощью которых они надеются: 1) добиться тотального управления социальными процессами; 2) сдержать надвигающуюся вероятность социального взрыва; 3) влиться в европейское сообщество. Вакуум в массовом сознании, образовавшийся после девальвации официальной государственной идеологии в 90-е годы, в начале XXI века оказалось довольно легко заполнить различными версиями этнонационализма. Но, как оказалось, средство было выбрано достаточно сомнительное.

Начиная с 2000 года в Черногории наблюдается резкое усиление раскола общества. Об этом свидетельствуют и спорные результаты референдума 2006 года. Сложность переживаемого периода заключается в том, что Черногорию раздрают, с одной стороны, нацменьшинства, поддерживавшие курс Джукановича на суверенизацию и теперь требующие все больше социальных и политических прав, с другой - основное население республики. Оно все чаще обнаруживает не столько т.н. двойственную идентичность (черногорская сербскость), сколько более сложные варианты самонидентификации: «исконные сербы» vs. «сербские черногорцы» и «черногорские сербы» vs. «исконные черногорцы». А с третьей стороны – так называемая внешняя диаспора, которая спонсирует индependистов. Для Черногории это пока новые проблемы социокультурного и политического характера. И хотя основной раскол по-прежнему проходит по линии сербы-черногорцы, в Черногории начинают набирать обороты уже совсем другие тенденции. На политической сцене страны сегодня всё большая роль принадлежит силам, которые разыгрывают различные сценарии происхождения черногорской нации в личных целях. Так как фактор культуры всегда имел важное, если не решающее значение в выстраивании социальных коммуникаций на Балканах, то ставка была сделана на использование историко-мифологизированных компонентов. Ведь мифологизация своей этнической общности особенно характерна для переходных социальных эпох.

Неудивительно, что сегодня в Черногории внедряются различные исторические нарративы, имеющие самое отдаленное отношение к действительной истории этого региона. Государство спонсирует организации, носящие сомнительный характер. Например, не существует ни одного исторического и канонического источника,

показывающего, что в Черногории когда-либо существовала автокефальная Черногорская церковь, т.к. ничего подобного правители династии Петровичей не знали и не признавали. Однако сегодня данная институция активно действует на территории страны. Государство оказывает поддержку Дуклянской академии наук и искусств, которая дублирует официальную Черногорскую академию наук и выпускает литературу, опирающуюся на, мягко говоря, спорные исторические факты и первоисточники. Поддерживается особый «черногорский язык», несмотря на то, что на территории современной Черногории, Сербии и других областей всегда использовался сербский язык (различие было в диалектах), на котором больше одиннадцати веков тому назад было принято христианство и появилась письменность. Однако сегодня в Конституции Черногории в качестве официального языка прописан «черногорский». Современная этническая проблематика переносится на историю 200-летней давности. В частности, по-новому трактуется роль черногорской династии Петровичей-Негошей, а роль православия в жизни региона сводится к нет. Реализация проекта реконструкции национальной идентификации невозможна без смены визуальных символов. Поэтому реформе подверглись флаг, герб, гимн, а также знаки отличия Черногории, использовавшие просербское сочетание на лентах. Страх политической верхушки Черногории перед «просербскими» символами сохраняется до сих пор. К примеру, во время референдума-2006 было запрещено использование сербского флага и других сербских знаков отличия. Показательно и смена названий улиц в метрополиях. Например, в Цетинье улицу Вука Караджича переименовали в Исландскую, в честь первого государства, признавшего независимость Черногории.

Таким образом, история в Черногории стала предметом для препарирования, а сама страна стала лабораторией для политических алхимиков, апробирующих на черногорцах свои идеологические установки.

Третий параграф заключительной главы сфокусирован на кризисе идентичности современного черногорского общества. Ведь реальный объект действий и пропагандистских усилий идеологов и активистов национальных движений обычно остаются так и не раскрытыми. Как мы уже показали, «национальные феномены», безусловно, конструируются «сверху». Однако зачастую открытым остается вопрос ответной реакции «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными, а тем более - националистическими по своей природе.

Идентичность – это динамический феномен, проявления которого могут измениться с течением времени – особенно, если такая идентичность помещена на периферию доминирующей культурной/политической силы. Возможно, именно поэтому современные процессы по смене идентификации идут в Черногории семимильными шагами: от переписи 1909г. – когда сербами себя признали около 95% населения, до переписи 1948г. – когда более 90% посчитали себя черногорцами и до переписи 2003г. – когда по некоторым данным 43% черногорцев противостоят 32% сербов. Прослежена в работе и историческая смена этнического самоопределения черногорских граждан по городам, состав которых изменен порой до неузнаваемости.

В связи с этим интерес представляет, приведенный в параграфе, анализ крупнейшего интернет-форума Черногории - *Cafè del Montenegro*²². В Черногории к интернету подключены около 20% населения (130 тыс. человек), а этот форум - наиболее часто посещаемый черногорский интернет-ресурс. После отделения страны от Сербии, самой популярной здесь темой для обсуждения стала национальная идентичность черногорцев. Вопрос «Кто мы?» потянул за собой и вопросы «Откуда мы?» и «Куда мы движемся?» Форум *Cafè del Montenegro* стал своеобразной площадкой, где переплелись

²² Čarna Brković, Kratak pregled re-strukturiranja pripadanja u Crnoj Gori / Izazovi savremenog crnogorskog identiteta: Antropolško istraživanje transformacije identitetske formule Crnogoraca u periodu nakon Drugog svetskog rata, Zbornik radova, Urednik Dr Saša Nedeljković, Baštinik, Kruševac. - 2009

различные версии «национальной истории». Многоуровневое понимание «черногорства» и «сербства», перетекающее из виртуального мира в повседневную жизнь, создавалось здесь анонимно при помощи дискурсов и нарративов, которые незаметно проникали в образ мыслей, разговоров и осмысления мира. Неоднозначность дефиниций говорит о нехватке единой и главенствующей линии при смене идентичности. Слишком много групп интересов задействовано в современном черногорском процессе нациестроительства. Но, несмотря на образовавшуюся в обществе многоуровневость истории и нарастающие противоречия, главная цель, похоже, все же достигнута - современные черногорцы не мыслят себя вне этнического государства. Осталось лишь окончательно скорректировать основания этого государства.

Культурализация сферы политического²³ привела к появлению внутреннего социального конфликта. При этом черногорские власти делают все для маргинализации двух групп: черногорцев, на постоянной основе проживающих в Сербии, и сербов, проживающих в Черногории. Что касается тенденции по маргинализации сербского населения в Черногории, то оно, похоже, только набирает обороты. Образовательная система построена на антисербской основе. Как народ, сербы сегодня практически не участвуют в политической жизни Черногории, а если и участвуют, то скорее чисто символически, периодически и внеинституционально. Черногорские средства информации поддерживают курс власти (Дjukanовича и его окружения) на унижение сербской стороны и популяризации их образа как оккупантов Черногории. В результате явной дискриминации и нежелании властей признать за сербами хотя бы статус нацменьшинства, черногорским сербам с 2000-х гг. приходится отстаивать свое право на: возможность участвовать в институтах государственного управления Черногории; государственное финансирование сербских газет на сербском языке и кириллице; открытие сербских школ, где преподавание велось с учебниками из Сербии и Республики Сербской; финансирование Министерством культуры Сербского культурного центра и поддержание сербских издательств, и сербского театра; запуск телеканала, где бы вещание велось на сербском языке и где бы поддерживалось национальное значение сербов в Черногории и т.п. Несмотря на то, что сербы составляют треть от населения и еще две трети говорят на их (т.е. сербском) языке, ни одного серба нет в высших эшелонах власти. Черногорские сербы считают, что имеют право на статус конститутивного народа, хотя согласны и на статус нацменьшинства согласно европейским стандартам и действующему черногорскому закону о меньшинствах.

Исходя из выше изложенного, автор видит несколько возможных сценариев развития ситуации. Первый – сербы со временем все в большей степени начнут ощущать себя черногорцами и начнут связывать основы своей идентичности с независимой Черногорией. Второй – сербы и в дальнейшем будут придерживаться своей самоидентификации. В этом случае политическая ситуация в Черногории все больше будет походить на боснийско-герцеговинскую или македонскую ситуацию. Насколько подобная политическая ситуация взрывоопасна, слишком хорошо известно. Не исключено также, что сербов в Черногории может ожидать та же участь, что и сербов в Хорватии или в Боснии и Герцеговине.

Подытоживая сказанное, мы приходим к следующим выводам.

Вопрос о зарождении идеи о черногорской нации, прежде всего, связан с национальным романтизмом XIX столетия. Развитость и популярность фольклорной традиции позволили на их базе создать в XXI веке новые мифы, которые были положены в основу современного сепаратистского движения черногорской элиты. Важно понимать и логику конструирования черногорской нации. Механизмы ее создания сильно отличался от опыта Европы и остального мира. Если раньше целью нациообразования было

²³ О понятии «культурализация политического» см. подробнее: Малахов В.С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Малахов В.С., Скромное обаяние расизма и другие статьи / М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

ассимиляция этнических групп с целью их объединения в единый политический народ (в нацию), то сегодня «нациообразование», по сути - конструирование, не возможно без общественной ломки в результате разграничения по этническому, конфессиональному, гражданскому признакам.

Специфика черногорского случая в современной международной практике заключается еще и в том, что если в западном мире активизация локальной идентичности обычно проходит в контексте противодействия экономико-политической и культурной экспансии Запада, то в Черногории эти процессы связаны, напротив, с поддержкой вестернизации («европеизации»). Тенденция подобной «европеизации» («европеизации по-черногорски») ставит следующий вопрос: сможет ли политическая и интеллектуальная элита Черногории исполнить свое обещание сделать черногорцев всеохватывающей и плюралистической нацией? Ведь новая черногорская национальная идея поддержана, прежде всего, албанским, боснийским и мусульманским меньшинствами. Похоже, что от них же зависит ее дальнейшее воплощение. Для современной Черногории очень важно разграничить явных противников независимости от тех, кто говорит о сербском этническом национализме. Проиндепендистское большинство должно показать готовность Черногории функционировать также хорошо как для сербов, так и для других участников политического процесса. Однако создание подобной «монолитности» в тоже время грозит обернуться ростом автономистских и сепаратистских настроений уже среди меньшинств. А эти процессы вслед за Э. Хобсбаумом уместно будет назвать уже не «балканизацией», а «ливанизацией».

Так был ли у Черногории альтернативный путь развития? Автор приходит к выводу, что такая возможность существовала в начале 1990-х. Однако она не была использована элитами. Внутренние противоречия внутри политического класса способствовали активизации более ранних националистических установок, привнесенных в Черногорию с Запада и развитых в коммунистический период. Именно поэтому мы можем, несмотря даже на легальность власти современной политической элиты, говорить об отсутствии ее легитимности. Тем самым обоснованность притязаний черногорской политической и интеллектуальной элиты на национальный суверенитет оказывается сомнительной.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

**Статьи в периодических изданиях, входящих в перечень ВАК РФ,
для публикации научных работ**

1. Шугурова И.А., Существует ли черногорская нация? // Каспийский регион: политика, экономика, культура – 2011 - №1.
2. Шугурова И.А., Черногория как переходное общество // Политический анализ: ПОЛИТЭКС – 2011 - Т.7 - №1.

Статьи в иных изданиях

3. Мирич И.А., Зарисовки черногорской демократии: Часть 1 - генезис и идеологическая база [текст] // «ПолитВектор» интернет-журнал, открытый доступ
4. Мирич И.А., Зарисовки черногорской демократии: Часть 2 - «коллизия идентификации» черногорского общества и права (про-) сербского населения и нацменьшинств [текст] // «ПолитВектор» интернет-журнал, открытый доступ
5. Мирич И.А., Зарисовки черногорской демократии: Часть 3 - конструирование современной «черногорской нации» [текст] // «ПолитВектор» интернет-журнал, открытый доступ

Заказ № 159/02/2011 Подписано в печать 22.02.2011 Тираж 100 экз. Усл. п.л. 0,8

ООО "Цифровичок", тел. (495) 649-83-30
www.cfr.ru ; e-mail: info@cfr.ru